

УДК 821.512.157-3 Гаврильева.09

Т. Н. Васильева, Т. Л. Андросова

Функции художественных деталей в творчестве В. Н. Гаврильевой (на примере сборника «Березонька моя»)

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Цель исследования – выявление функции художественных деталей в первом сборнике рассказов «Хатынчааным барахсан» («Березонька моя», 1968) известной якутской писательницы Валентины Николаевны Гаврильевой. Статья посвящена рассмотрению своеобразной роли художественных деталей в составлении литературного образа, идеи, сюжета и композиции. Научная новизна заключается в разработке собственной классификации художественных деталей на основе работ отечественных литературоведов Н. Л. Вершининой, Е. С. Доби́на, В. А. Кухаренко. В результате исследования произведений, вошедших в данный сборник, авторы выделяют следующие типы деталей: деталь-символ, деталь-сравнение, пейзажная деталь. Основной вывод: отражение характера, построение сюжета в произведениях В. Н. Гаврильевой передаются через художественные детали, выполняющие характерологическую и идейно-композиционную функции.

Ключевые слова: Валентина Гаврильева, художественные детали, функции, характер, идея, композиция.

T. N. Vasilyeva, T. L. Androsova

Functions of artistic details in V. N. Gavrilyeva's creative work: The case of "My Little Birch" collected stories

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. The purpose of the study is to identify the function of artistic details in *Khatyuchaanyam barakhsan* ("My Little Bitch", 1968), the first collection of stories by a famous Yakut writer Valentina Nikolaevna Gavrilyeva. The article considers the peculiar role of artistic details in the compilation of a literary image, idea, plot, and composition. The academic novelty is in the development of the authors' own classification of artistic details based on the works of such Russian literary critics as N. L. Vershinina, E. S. Dobin, and V. A. Kukharenko. The study resulted in emphasizing, within the framework of this collection of works, the following types of details: the detail-symbol, detail-comparison, detail landscape. The main conclusion is that the reflection of the character, the structure of the plot in the works of V. N. Gavrilyeva are conveyed through artistic details that carry characterological and ideological-compositional functions.

Keywords: Valentina Gavrilyeva; artistic details; functions; character; idea; composition.

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Ниловна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: vtatyanan@yandex.ru

VASILYEVA Tatyana Nilovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Literature, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

АНДРОСОВА Татьяна Лаврентьевна – магистрант Института языков и культур народов Северо-Востока РФ СВФУ имени М.К. Аммосова.

E-mail: jaero96@mail.ru

ANDROSOVA Tatyana Lavrentievna – Master's student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Прозаические произведения члена Союза писателей (1973) Валентины Николаевны Гаврильевой отмечены присутствием интересных творческих поисков. Лирические рассказы современной тематики, художественно исследующие «диалектику души» героев, монологически оформленные рассказы с острым конфликтом в центре повествования сразу вызвали живой читательский интерес. Вскоре после выхода в свет в 1968 году первого сборника рассказов В.Н. Гаврильевой «Хатынчааным барахсан» («Березонька моя») автор приобретает известность в читательских и творческих кругах как своеобразный писатель и пополняет ряды талантливых якутских прозаиков.

В якутском литературоведении с творчеством В.Н. Гаврильевой ассоциируется широкое применение художественных деталей, что в значительной степени определяет идиостиль писательницы. Малая проза Валентины Гаврильевой отмечена тонким психологизмом (особенно в подаче женских образов), при этом автор умело и оригинально использует литературные подробности (детали), монологи [5, с. 1]. В.Б. Огорокова в статье «Кэрэбэ сүгүрүйэр суруйааччы» [8] приходит к выводу, что ранний период творчества В.Н. Гаврильевой связан не столько с поисками и открытиями, но и, вполне очевидно, с ее становлением как писателя: индивидуальный стиль в данном случае сложился уже в самом начале ее литературной деятельности. Свидетельством тому, в частности, появление уже в начале творчества В.Н. Гаврильевой характерных для ее прозы «необычных персонажей».

Посредством малого компонента предметного мира – художественной детали – автор обозначает ту часть произведения, где необходимо участие самого читателя. Детали служат автору в описании (создании) предметов, пейзажей, образов, характеров, сцен, сюжетных линий, оживляя их, делая зримее, определяя при этом своеобразие авторского взгляда на перечисленное [1; с. 13]. Следует обратить внимание на важность использования детали в построении сюжета произведения, что подчеркнуто Е. С. Добинным в монографии «Сюжет и действительность. Искусство детали» [4]. Такого же мнения придерживается Т. И. Лазарева в диссертационной работе «Художественная деталь в романах С. П. Данилова: типы и функции» (2014) [7]. Раскрывая композиционную и сюжетобразующую роль детали в крупной прозе С. П. Данилова, Т. И. Лазарева указывает, что художественная деталь функционирует в произведении как прием психологизма. Из сказанного следует, что именно деталь нередко служит первоначалом развития сюжета, раскрытия характеров и адекватной интерпретации художественного произведения читателем.

Несмотря на широкую изученность художественных деталей, их единая классификация до сих пор остается спорным вопросом литературоведения. В настоящей статье предпринята попытка составить собственную классификацию деталей, основываясь на работах Н. Л. Вершининой [2], Е. С. Добина [4] и В. А. Кухаренко [6], на примере произведений В. Н. Гаврильевой, вошедших в сборник «Березонька моя». Кроме того, представляется важным отметить роль деталей в создании художественного образа, определить их идейную и сюжетно-композиционную роль, что позволит выявить критериальные признаки для выделения характерологического и идейно-композиционного видов деталей. В ходе исследования, в рамках данного сборника произведений, мы сочли возможным выделить следующие типы деталей: деталь-символ, деталь-сравнение, пейзажная деталь. Данная классификация послужит инструментарием исследования в настоящей статье.

В сборник «Березонька моя» входят шесть рассказов, героями которых служат жители якутского села. Отметим широкое присутствие в книге живописных пейзажных описаний. Исходя из названия и содержания книги, в ней предопределяется преимущество *пейзажных деталей*.

В рассказе «Өлөөнө алааһа» («Алаас Елены») во время поиска коров незрячая Харитина со своей внучкой слышат песню **жаворонка**. *Мин ити таах, бу эн саба*

эрдэхпин өйдөөн, үөрбүт быһыым. Көрүүй, ол үрдүбүтүгэр күүрэгэй кэллэ. <...> Харытаый хараба суох эбээт уонна күүрэгэйи хайдах көрөрө буолуой? <...> Ырыатын истэбин [3, с. 6] / Просто так, радуюсь, вспомнив времена, когда была твоего же возраста. Посмотри, над нами жаворонок пролетел <...> Харитина же слепая, как она может видеть жаворонка? <...> Песню его слушаю [здесь и далее перевод авторов статьи – Т. А., Т. В.]. В традиционных представлениях якутов жаворонок связан с молодостью, а манера его пения (стремясь вверх), возможно, определяет оптимистичного человека, в контексте рассматриваемого произведения – внуку. Она говорит, что будет спрашивать у бабушки, если не разберет песню жаворонка. Далее выясняется, что не девочка сопровождает слепую Харитину, а, наоборот, бабушка провожает внука во взрослую жизнь. Эрбэйбит баттахтаах, атах сыгыннах кыысчаан сылдьан хараба суох Харытаыйы сирдиирбиттэн үөрэрим, ол эрэри мин кинини буолбакка, кини миигин сирдээн сылдьыбыт, олус-олус үчүгэйгэ сирдээбит эбит кини [3, с. 10] / Мне нравилось сопровождать слепую Харитину, когда была босой, с растрепанными волосами девочкой, но, как оказалось, не я ее водила, а она меня сопровождала в лучшее. Пейзажная деталь здесь – жаворонок, и роль этой детали состоит в создании художественного образа, возвышенного стремления маленькой девочки к светлому будущему.

Оптимистичность подрастающего поколения, а именно внучек Харитины и Елены, доказывает следующая пейзажная деталь – **пестренький цветочек**. Девочки ищут подобный цветок, не зная, существует ли он на самом деле. Ол оҕо эрэ барыта булуон баҕарар үчүгэйкээн сибэккитэ хайдах-туох дьүһүннээҕин, биһиги кырачаан алааспытыгар үүнэрин дуу, үүммэтин дуу билбэт этибит да, көрдүүрбүт [3, с. 10] / Мы не знали, какого цвета тот хорошенький цветочек, который искали все дети, растет ли он на нашем маленьком алаасе, но все равно искали. Сестры принимают решение искать цветочек даже после поднятия целины их алааса: Кырдалын тизрдэрэн кэбиспит да буоллаллар, син биир көрдүбүм, ол сибэккини, баҕар, эниэтиттэн булуобум [3, с. 10] / Пусть даже вспашут землю, все равно буду искать, может быть, найду на склоне. Предполагаем, что, возможно, этот цветочек – символ веры в развитие светлой будущей жизни. Девочки задумываются: есть ли польза от поднятой целины, из-за которой исчезло красивое зеленое поле, но не находят ответа.

Однажды по дороге домой из школы Кюннэй чуть не обморозила руки, и тогда девочки вспоминают слова учительницы о создании станции, греющей в суровую якутскую зиму, о прогрессивном развитии, которое может привести к улучшению условий жизни, и о времени, когда вообще не будет морозов. Можно сказать, что контраст технического прогресса и светлой наивности девочек передается с помощью вышеуказанных пейзажных деталей.

Деталь-сравнение в произведении не описывает, а характеризует персонаж, то есть передает определенные черты характера, принципы, образ жизни персонажей. Корова **Эриэнчик**, с которой автор сравнивает мужа Елены – Семена, передает характер мужчины. Можно провести некую параллель: Эриэнчик – обжора, а Семен – алкоголик. Если корова хорошо поест, приляжет на пастбище, то даже не приходит на удой. Семен, когда злоупотребит алкоголем, также не приходит домой ночевать. Ынабын бэйэн курдук <...> бардабына кэлэри билбэт [3, с. 11] / Корова на тебя похожа, если уходит, то не знает, что нужно прийти. Как гласит якутская пословица, «Сүөһү эриэнэ таһыгар, киһи эриэнэ иһигэр» («Корова пестра снаружи, человек хитер изнутри»); когда Семен пьяный, он готов крушить, ломать все вокруг, а на следующий день его «словно подменили», он льстит и угодничает. Итак, эта *деталь-сравнение* изображает характер и поведение Семена.

Герои произведения «Сааскы тыал» («Весенний ветер») пашут землю там, где раньше останавливались на постой бандиты. Во время войны здесь убивали комсомольцев и коммунистов наслег. Доказательством тому служит *деталь-сравнение* **озеро, похожее**

на грустные глаза девушки. Оо, ыраас бэйэлээх күүл, тобо санаарбаабыт кыыс харабын курдуккунуй? Илибирии устар долгуннар, ханнык-туох күлүктэр түспүттэрин сабыта тарыйабыт? [3, с. 77] / О, чистое озеро, почему так похоже на грустные глаза девушки? Трепетные волны, какие тени, упавшие на воду вы собой закрываете? Озеро, обретая метафорическое значение (глаза грустной девушки), передает горькие слезы невинно убиенных людей. В данном случае деталь-сравнение показывает безысходное положение тех мучеников.

В этом же озере отражаются **березы**, образно передающие крики и заветы страдальцев. *Оттон эһиги, тугу эрэ быыстала суох кэпсиир-ипсиир хатыннар, өлөөрү турар ол дьон хаһыыларын истибиккит дуо? Баҕар, ону кэпсииргит, кинилэр кэриэс тылларын биһиэхэ тизэрдээххитин баҕараргыт буолаарай?..* [3, с. 77] / А вы, все время что-то рассказывающие березы, слышали ли крики тех умирающих людей? Можете, хотите об этом нам рассказать, передать их последние слова? Детали произведения «Весенний ветер», становясь частью художественного образа, передают любовь к жизни, последнюю надежду героически павших бойцов.

Идейно-композиционная функция детали заключается в передаче авторской идеи. Существует интересный феномен, когда два типа детали объединяются в прием «деталь в детали», который мы можем выявить в рассказе «Күннээх халлаан» («Солнечное небо»). *Туох да уратыта суох, хаартыска курдук хаартыска. Билбэт киһи көрүүтүгэр ханнык эрэ өрүс дуу, үрэх дуу көстүүтэ, – онон бүтэр. Оттон мин билэбин: өрүс, өссө дириг уонна сүүрүктээх. <...> Хаартыскаҕа көстүбэтэр даҕаны, үһһэ күн баар буолуохтаах, киһи кыайан утары көрбөт чабылхай, сайынгы күн уонна бу долгуннар үрдүлэригэр баар буолуохтаах харыйа лабаата* [3, с. 34] / Ничего особенного, фотография как фотография. Для не осведомленного человека просто какая-то река или речка, – и все. А я знаю: река, глубокая, с быстрым течением <...> Наверху светит яркое, слепящее глаза летнее солнце и над волнами должна быть ветка ели, хотя их не видно на фотографии. На **фотографии** как **деталь-символ** изображена **веточка ели**, плывущая по **течению** то ли реки, то ли речки, которое символизирует течение жизни. **Течение** неизбежно прибавляет несомую им веточку к берегу, населенному людьми, то есть, человек на протяжении всей своей жизни неоднократно сталкивается с общественным мнением, несправедливыми обвинениями и т.п. Также автор упоминает, что на фотографии не видно ярко светящего **солнца** – символа знания. Посредством этой фотографии передается непонимание людей, которые осуждают окружающих, не вдаваясь в суть дела. *Барыта баар буолуохтаах: күн даҕаны, дьоннор даҕаны – уонна дьоннор ону билэллэрэ олус үчүгэй эбээт* [3, с. 35] / Все должно быть: и солнце, и люди – и хорошо то, что люди будут знать это. Мин остуолбар хаартыска сытар. «Өрүс дуу, үрэх дуу» диэхтэрэ. Оттон харыйа күөх лабаатын, үһһэ баар буолуохтаах күнү олох да кыайан көрүүхтэрэ суоҕа [3, с. 47] / На моем столе лежит фотография. «То ли река, то ли речка», – скажут. А веточку зеленой ели, солнце, светящее наверху, в общем, никто не сможет увидеть.

Поясним, в связи с чем представилось возможным прийти к выводам о чем-то скрытом, и об общественном порицании в связи с фотографией. По деревне ходят слухи, что сын Дарии Егор изменил жене с Варваркой. В действительности же Егор с Варваркой просто работают на ферме и вместе возвращаются домой. Автор подчеркивает, что для формирования людского мнения и суда достаточно малого, люди руководствуются при этом лишь первым внешним впечатлением, не принимая во внимание прочие обстоятельства, как будто ограничены «рамками фотографии». Нам представляется, что в данном случае деталь-символ **фотография** воедино с пейзажными деталями (веткой, течением и солнцем) обрисовывает сплетников с ограниченным мышлением, вмешивающихся в жизнь других людей. Автор тонко, посредством применения деталей, настаивает на мысли о том, что нельзя судить о людях, фактически ничего о них не зная, основываясь только на мимолетных наблюдениях.

Подобное мнение выражается и в рассказе «Хатынчааным барахсан» («Березонька моя»). *Барытын урдүттэн көрүү, киһини, дьону таһыттан быһаарыы буолар олоххор саамай куһаҕана, кутталлааҕа* [3, с. 57] / Видение свысока, определение человека со стороны – худшее и самое опасное в жизни. В произведении автор изображает **березу**, растущую возле дороги на холме. Как говорил местный философ Матвей: *«Киһи олоҕо син бу мас үүнэн силигириирин курдук. Бу мас курааннаан, хатан турдабына улахан ардах өрүһүйэр. Киһиэхэ оннук ардабынан билбэтэххин билии-көрүү, дьулуур буолар. Ол суох буолла да, киһи бу мас, ардах түспэтэбинэ кэхтэн барарын курдук. Санаттан-сааҕа дьулуһуу буолар киһиэхэ улууканнаах быһааннаах ардах»* [3, с. 48] / Жизнь человека подобна жизни дерева. От засухи помогает лишь обильный дождь. Таким дождем для человека является познание неизведанного, стремление к чему-либо. Если этого нет, то человек засохнет, как дерево без дождя. Стремление к новому является для человека великим изобильным дождем. Жизнь состоит из мгновений, тайн, человек должен стремиться к знанию, к чему-то новому. Этой огромной березе доверяют новые открытия, тайны все жители деревни, особенно старик Матвей. Береза, *деталь-символ*, в контексте этого рассказа передает авторскую идею, заключающуюся в постоянной «поливке» человека самосовершенствованием.

Помимо этого, в вышеуказанном произведении в роли пейзажной детали выступает **танец стерха**. Издавна якуты верили, что стерх – птица счастья. Принято считать, что человек, хоть однажды увидевший танец стерха, будет счастливым. Каждый должен искать и найти поле, где танцуют стерхи. В этом рассказе танец стерха отождествляется с понятием счастья. Такое поле на самом деле кроется в самом человеке, поэтому говорят «счастье в наших руках». Авторская идея, содержащаяся в постижении счастья путем поиска себя и самопознания, является важной составляющей в произведении «Березонька моя». *Онно-манна бардахпына-кэллэхпинэ, киһиэхэ олоҕор саамай кылаабынайын – оннук кырдалын көрбөккө, билбэккэ, туора хаамыам диэн өрүү сэрэнэбин даҕаны, куттанабын даҕаны* [3, с. 56-57] / Когда куда-нибудь еду, боюсь не разглядеть, не узнать, повернуть в другую сторону от самого главного в жизни человека – такого поля.

Детали также могут указывать на возможное развитие событий, служить «отправной точкой» завязки, кульминации или развязки художественного произведения. В рассказе «Алаас Елены» с помощью пейзажной детали **лиственницы** передается развитие сюжетной линии. Герои рассказа, Харитина и внучка, во время каждого поиска коров, набираются сил у самого заметного, необычного с обвисшими до земли ветками лиственницы. По поверьям якутов, такие деревья являются жилищем духа земли. Бабушка замечает, что ветка этой лиственницы срублена топором, что означает повреждение, разрушение природы. *Сиргэ кэрдиллэн баран быраҕыллыбыт суон лабааттан Харытыай атаҕын тумсунан иннэ түспүтэ. Бу биһиги тиһиппит биһир суон лабаата этэ. Лабаатын көтөхпүтүнэн хонууга лах гына олоро түспүтэ. Өр олоҕубута, өр сангарбатаҕа* [3, с. 7] / Харитина споткнулась о толстую ветку срубленной лиственницы. Это была одна толстая ветка нашего дерева. Она резко присела на поляну, держа в руках ветку. Долго сидела, долго молчала. Данная деталь отсылает к важному событию (кульминации) произведения. Единственный алаас, который кормит семью Елены, вдруг начинают распахивать, готовить под пашню. *Аллараа бэбэһээ эрэ кэлэн албаан- ааттаһан барбыт төгүрук алааһа хара буорунан көрөн сытара* [3, с. 14] / Алаас, еще вчера благословляемый обрядами, стоит теперь без зелени, сплошь черная земля. И теперь неизвестно, что будет с семьей Елены.

Деталь-символ, характеризующую тягу к идеальному будущему, находим в рассказе «Ыраах көстөр баарыстар» («Паруса вдалеке») – это **корабль с белым парусом**. Главный герой Ньургустаан построил отуу (шалаш), который рассматривает как корабль, пашню как море, а сам мальчик представляется себе капитаном: *бу таах отуу буолбатах – хараабыл. Бааһына – муора. Мин – капитаммын* [3, с. 20]. Посредством этой детали

определяется намерение героя принимать решения самому, самостоятельно выбирать свой путь во взрослую жизнь. Ему не хочется быть похожим на своих родителей, то есть выпивать и ограничиваться лишь только фермой: *Абааһы көрөбүн. Дьиэбэр барыаһын баҕарбаппын. Баран да диэн* [3, с. 21] / *Ненавижу. Не хочу домой. Да и зачем возвращаться.* Ньургустаан мечтает увидеть другую жизнь. В финале произведения он сбегает от родителей, из деревни и едет в город. Если ранее он жил по наставлениям родителей, то сейчас он становится самостоятельным и свободным.

Наставником, мотиватором Ньургустаана становится странный почтальон Мас Атах (Деревянная Нога), который ассоциируется с кораблем и плаванием. *Даа, доҕоттоор, мункуктук олорор, абыйахха наадыар эбиккит. <...> Чункук дьон эбиттэр, доҕоттоор. Кураанах дьон* [3, с. 25] / *Вы, друзья, забытые, вам малое нужно. Скучные люди, друзья. Пустые люди.* Мас Атах убедил протагониста рассказа в том, что не надо ограничиваться деревней, нужно добиваться большего, иными словами, бороться за свое будущее и стремиться в лучшую жизнь. Корабль с белым парусом показывает непосредственность и исполнение желания героя – уйти в свободное плавание. В этой детали кроется авторская идея, которая призывает молодежь деревни не опускать руки и стремиться к счастливому будущему. У нее даже есть мотивирующая песня, автором которого является Мас Атах:

<i>Хараабыл биэрэктэн тэйбитэ,</i>	<i>Корабль отчалил от берега,</i>
<i>Баарыһы тыал сиритэ үрэрэ.</i>	<i>Парус развевался от ветра.</i>
<i>Долгуннар таастары кырбыллар,</i>	<i>Волны ударяются о камни,</i>
<i>Уолаттар айанна тураллар...</i>	<i>Парни собираются в дорогу...</i>
<i>Күөх суолга, киэн суолга</i>	<i>В синюю дорогу, в большой путь</i>
<i>Баарыс тунаара турбута</i> [3, с. 26].	<i>Белый парус уходил...</i>

Ньургуска ымсыыра санаабытым, ол эрэри мин даҕаны сотору барыахтаахпын билэрим... [3, с. 33] / *Позавидовала Ньургусу, но я знала, что тоже скоро уеду.* Туйаара, подруга Ньургустаана, тоже хочет уехать из деревни, навстречу своей мечте. Итак, Мас Атах, вместе с кораблем с белым парусом, в контексте этого рассказа являются символами пути к мечте.

В рассказе «Сааскы тыал» («Весенний ветер») выделим как *пейзажную деталь ветер*, символизирующий перемены. Упомянутый в начале произведения ветер веет запахом сырой земли, солянки и дыма, свежей зелени, что говорит о грядущих изменениях: *салгын сииктээх буор, сэлээркэ, бууро уонна сана тыллыбыт от-мас сыттаах* [3, с. 74]. Пейзажная деталь предупреждает дальнейшее развитие событий, а именно то, что студенты-практиканты в *алаасе* готовят почву для пашни.

Таким образом, можно прийти к выводу, что *пейзажные детали (жаворонок, пестренький цветочек, березы) и детали-сравнения (Семен как Эриэнчик, озеро, похожее на грустные глаза девушки)*, выполняющие характерологическую функцию, представляют оптимистичность молодого поколения и характер героя произведения.

Деталю присуще выполнять идейно-композиционную функцию. Через *детали-символы (корабль с белым парусом, фотография, береза) и пейзажную (танец стерха)* передается авторская нравоучительная идея. *Деталь-символ фотография*, объединяясь с пейзажными деталями (*ветка ели, течение, солнце*), показывает наличие явления «деталь в детали». *Пейзажные детали (лиственница, ветер)* выступают деталями, создающими сюжетную линию.

В заключении можем сказать, что в первом сборнике рассказов В. Н. Гаврильевой «Березонька моя» отражение характера, строение сюжета передаются через художественные детали, выполняющие характерологическую и идейно-композиционную функции.

Л и т е р а т у р а

1. Абдуллаева, Н. М. Художественная деталь и символы в современной азербайджанской поэзии (1993-2005) / Н. М. Абдуллаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014, № 10 (40), часть 1. – С. 13-19.
2. Введение в литературоведение: учебник для бакалавров / Н. Л. Вершинина [и др.]; под общ. ред. Л. М. Крупчанова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 479 с.
3. Гаврильева, В. Н. Хатынчааным барахсан: кэпсээннэр / В. Н. Гаврильева. – Якутской: Саха сириэҥҥи кинигэ издательствота, 1968. – 84 с.
4. Добин, С. Е. Сюжет и действительность. Искусство детали / В. Н. Добин. – Л.: Сов. писатель. Ленинградское отделение, 1981. – 432 с.
5. Корякина, Т. Валентина Гаврильева дьоро кизэһэтэ / Т. Корякина // Саха сирэ. – 1994. – Ахс. 20 к. – С. 1.
6. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста: Учеб пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». – 2-е издание, перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
7. Лазарева, Т. И. Художественная деталь в романах С. П. Данилова: типы и функции: дисс. канд. филол. наук. 10.01.02 / Т. И. Лазарева. – Якутск: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, 2014. – 170 с.
8. Окурокова, В. Б. Кэрэбэ сүгүрүйэр суруйааччы / В. Б. Окурокова // Өлүөнэ сарсыардата: «Сахаада» хаб. сыһ. – 1996. – Сэттинньи 14 к. – С. 7.

References

1. Abdullaeva, N. M. Hudozhestvennaya detal' i simvol'y v sovremennoj azerbajdzhanskoj poezii (1993-2005) / N. M. Abdullaeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2014, № 10 (40), chast' 1. – S. 13-19.
2. Vvedenie v literaturovedenie: uchebnik dlya bakalavrov / N. L. Verшинina [i dr.]; pod obshch. red. L. M. Krupchanova. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2015. – 479 s.
3. Gavril'eva, V. N. Hatynchaanym barahsan: kepseenner / V. N. Gavril'eva. – Yakutskaj: Saha sirineeҥi kinige izdatel'stvota, 1968. – 84 s.
4. Dobin, S. E. Syuzhet i dejstvitel'nost'. Iskusstvo detali / V. N. Dobin. – L.: Sov. pisatel'. Leningradskoe otd-nie, 1981. – 432 s.
5. Koryakina, T. Valentina Gavril'eva d'oro kiehete / T. Koryakina // Saha sire. – 1994. – Ahs. 20 k. – S. 1.
6. Kuharenko, V. A. Interpretaciya teksta: Ucheb posobie dlya studentov ped. in-tov po spec. № 2103 «Inostr. yaz.». – 2-e izdanie, pererab. – M.: Prosveshchenie, 1988. – 192 s.
7. Lazareva, T. I. Hudozhestvennaya detal' v romanah S. P. Danilova: tipy i funkcii: diss. kand. filol. nauk. 10.01.02 / T. I. Lazareva. – Yakutsk: Institut gumanitarnyh issledovanij i problem malochislennyh narodov Severa Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2014. – 170 s.
8. Okorokova, V. B. Kerebe syguyjer surujaachchy / V. B. Okorokova // Өлүөнө sarsyardata: «Sahaada» hah. syh. – 1996. – Setinn'i 14 k. – S. 7.

